УДК 811.512.31
ББК Т32 (2517):Ш164

Аюр Тумэнович Жанаев
аспирант,
Бурятский государственный университет
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: ayur_zhanaev@mail.ru

Особенности концептуальной структуры бурятского этнического сознания: субстанциональность и релятивизм как характеристики культуры

В статье предпринята попытка представить некоторые особенности концептуальной структуры бурятского этнического сознания в сравнительном аспекте на примере языкового материла. В европейском мышлении субстанция обладала характеристиками реальной сущности, которая позволяла верить в постоянство и стабильность физического и социального мира. В отличие от этого, восточная картина мира основана на принципе связи и изменчивости, а значение сущности есть движение, динамика и постоянное становление. В этой связи, а также на базе проделанного лингвистического анализа, автор в качестве специфических характеристик бурятского концепта (и/или понятия) выделяет его динамическую природу и неспособность концептуализации отвлечённого качества. По мнению автора, эти особенности необходимо учитывать при дальнейшем рассмотрении и интерпретации языкового материала.

Ключевые слова: концептуальные структуры, бурятский язык, категоризация, субстанциональная и релятивная картины мира.

Ayur Tumenovich Zhanaev
Postgraduate Student,
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: ayur_zhanaev@mail.ru

Some Features of the Buryat Traditional Conceptual Cosmology: Substantiality and Relativism as Characteristics of Culture

The paper attempts to provide some features of the conceptual structure of the Buryat ethnic consciousness in a comparative perspective on the example of linguistic material. In European thinking, the substance had characteristics of real essence, which allowed believing in the permanence and stability of the physical and social world. In contrast, the Eastern world view is based on the principle of communication and variability. In this world the essence has the meaning of movement, dynamics and permanent formation. In this regard, as well as on the basis of linguistic analysis, the specific characteristics of the Buryat concept are its dynamic nature and inability to conceptualize abstract quality. According to the author, these features must be taken into account for further consideration and interpretation of the linguistic material.

Keywords: conceptual structures, the Buryat language, categorization, substantial and relative worldviews.

Согласно принятым логико-философским концепциям природа «западного» сознания имеет субстанциональный характер, при котором основа всех явлений приписывается некой обобщающей сущности, первооснове: Бог, дух, идея, материя. Традиционно данную часть следует начать с обращения к фигурам Платона и Аристотеля, считавшим, что субстанцией является идея (согласно первому) и, соответственно – материя. В обоих тезисах мир воспринимается производным от некой единой первоосновы – субстанции, последующее разветвление которой определяло разнообразие мира. Идея, ставившая в логике формализма (математические изыскания и логические дефиниции Парменида, Пифагора, Платона) отдельную от материи сущность, составляла нечто наивысшего уровня. В другом случае, она (форма, идея) определялась как свойство или «предикат» материи, становясь сущностью второго порядка. Данная мысль отражается в концепциях Аристотеля, а также в материали-

© А. Т. Жанаев, 2013

стических гипотезах Левкиппа и Демокрита, утверждавших существование физически невидимых, но математически выводимых атомов, протяжённых в пространстве. Аристотель считал, что эти предикаты реализуются в различных «категориях». Субстанция, согласно этому воззрению, обладала характеристиками реальной сущности, которая позволяла верить в постоянство и стабильность [14, с. 8] физического и социального мира с зафиксированными в их рамках атрибутами и предрасположенностями. «Если допустить, что мир – это стабильное место, то вполне логично выработать определённые правила для понимания его закономерностей и вывести категории, которые отвечают этим правилам» [13, с. 152]. Постоянная сущность бытия стала фундаментом для выведения понятий, дефиниций, логических законов и естественных видов [14, с. 8].

Так, древние греки широко использовали категории и применяли их в качестве базы при исследовании и актуализации правил. Множество таких категорий относятся к предполагаемым качествам объекта: *твёрдость, белизна, мягкость*. Грамматика греческого и других индоевропейских языков способствует превращению признаков объекта в самостоятельный объект, например, посредством добавления суффикса *-ness* (англ.) или его эквивалента. Так, по мнению философа Дэвида Мосера (David Moser), такая закономерность может благоприятствовать мышлению о признаках как об абстрактных сущностях, которые затем могут быть использованы в теоретических объяснениях [13, с. 156]. Напомним, что, по мнению Платона, эти абстракции – ментефакты – были реальнее, чем признаки объектов физического мира. Забегая вперёд, отметим, что в современных европейских языках существуют лексемы со значением абстрактного качества, называющие не единственный признак, а целый набор признаков, характерный предмету, например польск. *bohaterstwo ~'героизм', amatorzczyzna ~'самодеятельность', donkiszoteria, szachrajstwo, oszustwo ~'мошенничество'* [12, с. 34].

Анализ значения суффиксов показал, что в бурятском языке именные суффиксы именных основ (55 ед.) образуют понятия конкретного содержания. Помимо последних, существуют также суффиксы, обозначающие качества предметов в разных аспектах: обозначающие неполноту свойства, выражающего обладание/схожесть или склонность относительно значения основного именного слова *(-бтар, -бар, -шиг, -бхи*); суффиксы характеристики предметов, свойства *(-рхаг, -рхуу, -лиг, -рхай*). Однако, из производных слов от именных основ только суффикс *-лиг*, может обладать абстрактным предметным значением полноты какого-либо свойства: *баялиг 'богатство, сокровище' <бая- богатство, 'богатый'*. Пласт слов со значением качества (которые большинство исследователей относит к классу прилагательных) имеет способность осуществлять функцию существительного в предложении. Дальнейший синтаксический анализ показал, что говорить об абстрактном характере этих имён не совсем справедливо, т. к. большинство из них вне контекста не обладает значением предметности, а будучи в связке с другим предметным именем, не является абстрактным обозначением в широком смысле слова. Оно лишь указывает на неопределённое лицо, предмет, обладающий данный признаком, что говорит о малой степени определённости. Во многих случаях значение абстрактных имён передаётся не самим именем качественным, а лишь путём соотношения обозначаемого им признака с каким-либо существительным в родительном падеже [1, с. 160]. Можно ли предположить, что качество в сознании носителей языка не обладает значением предметности и не может служить абстрактной категорией? В нашем понимании, ответ, вероятнее всего, положительный.

Особенностям ориентальной логики мысли было посвящено большое количество работ. Среди них особое место занимают синологи (D. L. Hall[1], R. T. Ames[2]; W. Eberhard[3]; D. Bodde[4]; M. Granet[5]; K. Gawlikowski, Ch. Hansen и др.) и другие исследователи-ориенталисты (S. Zapaśnik, З. Морохоева, О. Тангад, H. Nakamura). В работах этих учёных постулируется существование двух отдельных действительностей, условно называемых Востоком и Западом.

[1]Thinking from the Han: Self, Truth, and Transcendence in Chinese and Western Culture (1998) David L. Hall, Roger T. Ames. State University of New York Press. 336 p.

[2]Anticipating China: thinking through narratives of Chinese and Western culture (1995) David L. Hall, Roger T. Ames. State University of New York Press. 336 p.

[3]Wolfram Eberhard. Guilt and Sin in Traditional China (1967) University of California Press. 141 p.

[4]Derk Bodde. Chinese Thought, Society and Science: the Intellectual and Social Background of Science and Technology in the Pre-modern China (1991) Focusing the familiar: a translation and Philosophical interpretation of the Zhongyong (2001) David L. Hall, Roger T. Ames. University of Hawai'i Press. 441 p.

[5]Гранэ М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы. М.: Алгоритм, 2008. 528 с.

Вместо субстанции восточная картина мира представляет небытие, пустоту: нирвана в буддизме, Небо и Дао в китайской картине мира. Субстанциональные понятия в этом мышлении не существуют – они имеют иную природу, содержанием которой является принцип связи [5, с. 31–32]. Здесь целостность связана с пустотой, поэтому она лишена смысла и представляет собой некую совокупность отношений и качеств этих отношений, и, в свою очередь, отношение, конкретная связь наделена сущностью, но при этом не может быть конечного целого [14, с. 11]. Воображаемая целостность мира заключается в том, что «любая его частица связана со всеми другими множеством связей» [2, с. 56]. «Именно отношения, в которые вступают вещи, определяют сущность вещей. Нельзя представить свойства, которые могли бы существовать вне всяких отношений. <…> Такая картина мира не нуждается в категории субстациального субстрата как онтологической основы, определяющей как отношения, так и сущность вещей» [5, с. 34]. Комбинации знаков имеют смысл «здесь и сейчас», не соотносятся с собой ввиду отсутствия всеобщего целого, поэтому не может быть абстрактных сущностей [5, с. 31].

Таким образом, в ориентальном мышлении категории не обладали смыслом, и мир (физический и социальный) воспринимался как продукт конкретной интеракции объекта с силами его окружения [16, с. 44–46]. Поэтому категории качества не обретают самостоятельную онтологическую сущность, отрываясь от определённого носителя, например может существовать *белизна лошади* или *белизна снега*, но не *белизна* как категория или абстрактная сущность [13, с. 153]. Анализ языкового инвентаря показывает, что именные основы со значением качества/признака не образуют абстрактную категорию. Последняя характеристика наглядно представлена в распространённом жанре народной поэзии «Юртэмсын гурбан» (~*Три вещи вселенной*), где в особой лирической форме представляются реализации конкретных качеств: *Уулада ургаhан hаглагар модон үндэр,/ Уулын дунда Хаан-Тэнгэри үндэр,/ Олоной дунда алдартай сэсэн үндэр (Раскидистое дерево, растущее на горе, – высокое,/Хаан-Тэнгэри (небо), виднеющийся среди гор, – высокий,/ Известный среди людей мудрец – высокий; Үндэр тэнгэриин үнгэ сэбэр,/ Үхин хүүхэнэй шарай сэбэр, Үнэн хүнэй hанаан сэбэр. (The color of high skies is clear,/ The face of a little girl is clear,/The thoughts of a sincere man is clear)*. Как это видно из примеров, народная литература способствовала рассмотрению категории качества неотрывно от его носителя, т. е. возможно, не рассматривала качество как всеобъемлющий абстрактный объект. Как было сказано, в западной мысли такие эссенции-концепты позволяют предугадывать поведение независимо от контекста, в то время как в восточной традиции объекты обладают конкретными свойствами, которые вступают в интеракцию с окружающими обстоятельствами для дальнейшего действия.

Рассматривая абстрактные имена и стоящие за ними понятия, вероятно, мы имеем дело с глубинными различиями в организации и системе мышления представителей разных культурных ареалов. Выводы, сделанные на основе анализа концепций организации мышления цивилизационных ареалов, верифицированных на основе лингвистического материала, свойственны бурятскому этническому сознанию. Не будет ошибочным заключить, что процессы категоризации и концептуализации имеют качественно иную природу – отличную от таких языков, как, например, русский и английский. Вряд ли можно отрицать положения прототипической и экземплярной теорий категоризации применительно к распознанию и классификации конкретных объектов действительности, или, в дефиниции Рош, субординатного уровня. Проблема возникает при построении абстрактных понятий, содержанием которых в основном «являются качества, свойства вещей» [5, с. 31]. В таком ключе, классическая теория категоризации, выделяющая категории как таковые, отражает особую логику мышления, а значит, превращается в культуроспецифическую концепцию. Другими словами, классическая теория категоризации отражает иной способ когниции, а наука и философия как специфичные продукты западной цивилизации являются одной из причин, а возможно, и результатом такой когниции. Релятивная структура сознания носителя бурятского языка не позволяет мыслить в категориях метафоры «КАЧЕСТВО/ПРИЗНАК есть ОБЪЕКТ», поэтому язык, соответственно, не ощущает потребности выработки средств выражения данной когнитивной метафоры. Осознание когнитивной природы частей речи и особенностей их функционирования помогает понять и сущность языка и способа мышления.

На данном моменте исследования стоит задаться следующим вопросом: подразумевает ли отсутствие определённого грамматического репертуара и отсутствие соответствующих концептуальных репрезентаций? С одной стороны, не стоит забывать, что язык является *средством* выражения смысла [15, с. 3], а взаимопонимание также строится на присутствии фоновой информации, концептуальной картины мира, которые являются богаче языковой [6, с. 107]. Однако, путь от мысли к знаку имеет конкретно-ситуативный характер, при котором мысль находит своё конкретное выражение в одной из многочисленных форм языкового инвентаря. Поэтому, одновременно язык определяет форму конкретного высказывания в соответствии с определёнными регулярностями [8, с. 22]. Концептуальный анализ позволяет выявить особенности концептуальной структуры и значимость целого ряда языковых форм в языке, например, с помощью установления концептов с высоким статусом типа «объект», «признак», «процесс» [4, с. 13]. Возвращаясь к материалу нашего анализа, мы предполагаем, что отсутствие возможности выражения качества в форме концептов с высоким статусом со значением *объект* свидетельствует о невозможности репрезентации абстрактных понятий качества, что, как уже упоминалось выше, характерно для релятивистского типа мышления. Как считает Г. М. Костюшкина, «категориальный механизм мышления человека может быть восстановлен (смоделирован) через его язык, и в этом плане сам механизм категоризации в языке и мышлении идентичен» [3, с. 239].

Другим важным аспектом предыдущего обзора, а также проведённого выше анализа является тенденция восприятия мира как сбора абстрактных понятий со значением названия действия как процесса или результата, почти при полном, как уже говорилось, отсутствии понятий со значением абстрактного качества. Для интерпретации данного положения следует вновь обратиться к компаративным исследованиям в области философии, антропологии и иных дисциплин. Проведённый нами анализ роли суффиксов бурятского языка в производстве nomina abstracta, показал, что бурятский язык обладает высоким морфологическим потенциалом образования абстрактных слов. Следует отметить, что суффиксы отглагольных основ являются главным ресурсом для последних: *-аан (-ээн, -оон), -аahан (-ооhон, -өөhэн, -ээhэн), -са, -ха (-хэ, -хо), -хы, -даг, (-дэг, -дог), -дал (-дэл, -дол), -дан (-дэн), -даhан (-дэhэн, - доhон), -г, - га (-го, -гэ) ~ ган (-гон, -гэн) ~ -гаан (-гоон, -гөөн, -гээн), -н/г, -л, -лга, (-лго, -лгэ) ~ -лган (-лгон, -лгэн), -лта (-лто, -лтэ), -ли, -м, -мта, - мжа (-мжэ, -мжо), -р, -ри (-ра), -ша (-шо, -шэ), -уул (-үүл), -уули (-үүли), -уури (-үүри), -б, -бари, -за (-зо, -зэ), -гар (-гэр, -гир, -гор), -уу (-үү), -уун (-үүн).* Абстрактные имена, образованные с помощью суффиксов от глагольных основ, главным образом, обозначают действие (nomina actionis) как процесс и результат, потенциальность совершения действия. В отдельных случаях обозначает психическое, физическое состояние, эмоции и чувства, которые с другой стороны можно также понимать как процесс и результат действия. В отдельную группу стоит также выделить непроизводные имена, а также словообразовательную пару со значением абстрактности.

Таким образом, тенденция восприятия мира как сбора абстрактных понятий со значением названия действия как процесса или результата, почти при полном отсутствии понятий со значением абстрактного качества (за исключением непроизводных слов со значением абстрактности) может быть интерпретирована как склонность восприятия мира в качестве пространства конкретных объектов и событий-отношений. Категории обозначаются существительными, отношения с другой стороны имплицитно или эксплицитно выражаются глаголом [13, с. 148]. Изучение значения транзитивных глаголов показывает вовлечение двух объектов и так или иначе соединяющее их действие (например *бросать*). Однако, указание на действие не гарантирует понимания реципиентом его отнесённости. Таким образом, неопределённая отнесённость глаголов в отличие от существительных определяет трудность его восприятия. Так, например, в процессе перевода труднее бывает идентифицировать глаголы, чем существительные, что объясняется высокой степенью относительности первых. Как пишет психолог, когнитвист Дедре Гентнер (Dedre Gentner), «глаголы обладают высокой реактивностью; существительные имеют тенденцию быть инертными» [10, с. 168], и не вызывает удивления факт того, что дети раньше усваивают существительные, чем глаголы [13, с. 149]. Основываясь на подобных фактах, отражающих специфику этих частей речи, он полагает, что данная особенность является универсальной и прослеживается во всех язы-

ках мира. Однако, как оказывается, это далеко не так [13, с. 49]. Возрастные психолингвисты (Twila Tardif, Hiromi Morikawa, Anne Fernald) и другие выяснили, что в восточной Азии дети усваивают глаголы в том же темпе, что и существительные (в понимании традиционной лингвистики) и даже быстрее. По их мнению, этому способствуют несколько факторов. Например, глаголы в языках восточной Азии играют иную, более важную роль, чем в английском и других европейских языках. Глаголы в китайском, японском, корейском (также в бурятском) имеют тенденцию локализироваться либо в начале, либо в конце предложения. Такая позиция является относительно сильной. В английском, например, глагол чаще всего теряется где-то в середине предложения [13, с. 150]. Как показывают исследования, проведённые возрастными психолингвистами А. Фернальд (Anne Fernald) и Х. Морикава (Hiromi Morikawa), при воспитании американских детей матери открывают им мир как пространство с объектами, тогда как японские дети воспринимают мир отношений[1] [9, с. 637–656]. Если мы принимаем факт того, что семантический компонент обладает специфичной природой в каждых отдельных языках, то и гарантировать универсальность концептуальной структуры представляется трудным. С другой стороны можно постулировать раздельное существование семантической и концептуальной структур, однако, данные последних исследований отрицают такой дихотомический подход, подтверждая нераздельность и взаимообусловленность этих областей [11, с. 7–8].

Динамическое восприятие мира находит своё воплощение в представлении о Вселенной, подверженной постоянным изменениям и превращениям [7, с. 182], называемой носителем бурятского языка как *сансар, оршолон, үнгэтэ юртэмсэ*. Понятие *оршолон(г)* (бренный мир, сансара, Вселенная) в своей сущности обозначает некое циклическое движение: *оршоло- /v. fraequentativa от оршоло-/ вращаться, кружиться, вертеться.* Другое понятие *үнгэтэ юртэмсэ* также обозначает изменчивость, непостоянство материального мира: «*Старики качают головами, глядя на череду лесовозов и скороспелых богачей: кто знает, что с ними станет в будущем, «үнгэтэ юртэмсэ*» [2, с. 6]. Понятие санскритского происхождения *сансар* обозначает череду перерождений, круговорот бытия. Переводчик Ламрима А. Кугявичус заменяет данный санскритский термин словом *круговерть* для наиболее полного понимания его русским читателем. В этой картине мира значение сущности есть движение, динамика и постоянное становление.

Перевод из одной системы в другую подразумевает утрату контекстуального целостного восприятия понятия. Так, меняется процессуально-динамическая природа таких понятий, как *залхуура-лга (<залхуура- лениться) лень, ленность; атаарха-л (< атаарха- завидовать)зависть; бодо-л (<бодо- думать, обдумывать; считать) мысль, мнение; ажа-г (<аǧi- наблюдать, следить, замечать) внимание, внимательность; тогт-уури (<тогто- устанавливаться, образовываться) устойчивость, постоянство; прочность; основательность* и т. д. Например, понятие *зори-г* в переводе на русский язык в значении *смелость* вынужденно приобретает характеристики абстрактного качества, утрачивая изначальную динамическую природу < *зори- стремиться к чему-л.* По этой причине, для полного понимания особенностей бурятского концепта и понятия необходимо отказаться от попыток переноса категорий, концентрируя внимание на деликатной внутренней структуре и его месте в концептуальной системе носителей языка.

Таким образом, мы предполагаем, что в качестве специфических характеристик бурятского концепта (и/или понятия) можно считать его динамическую природу и неспособность концептуализации отвлечённого качества. Данные характеристики являются отражением релятивной природы ориентального сознания, которую необходимо учитывать при дальнейшем рассмотрении конкретного языкового материала.

[1]Согласно их исследованиям американские дети в возрасте от 6 до 19 мес. обладают большим запасом слов, относящихся к разряду существительных, в отличие от японских детей того же возраста. Американские матери чаще всего используют модель типа «That's a car. See the car? You like it? It's got nice wheels», в то время как японские: «Here! It's a vroom vroom. I give it to you. Now give this to me. Yes! Thank you».

Список литературы

1. Дарбеева А. А. О субстантивном употреблении имён прилагательных в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1957. С. 152–165.

2. Доржигушаева О. В. Экологическая этика буддизма: учеб. пособие. СПб., 2002. 62 с.

3. Костюшкина Г. М. Категоризация опыта высказывания // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. Ч. 1. С. 48–59.

4. Кубрякова Е. С. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г. Р. Державина. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 7–19.

5. Морохоева З. П. Пограничье в перспективе Евро-Азии // Debaty IBI AL: Цивилизационный выбор и пограничье. Варшава, 2011. Т. 4. С. 11–37.

6. Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 87–107.

7. Шагдаров Л. Д. Буддийская лексическая система в современном бурятском литературном языке // Вестн. БНЦ СО РАН. 2011. № 3. С. 177–184.

8. Clark E. V. Languages and Representations // Language and Mind: Advances in the Study of Language and Mind. Massachusetts: The MIT Press, 2003. P. 3–15.

9. Fernald A., Morikawa H. Common themes and cultural variations in Japanese and American mothers' speech to infants // Child Development. Stanford, 1993. P. 637–656.

10. Gentner D. Some interesting differences between nouns and verbs // Cognition and Brain theory. Massachusetts, 1981. P. 161–178.

11. Gentner D., Worfian W. Language and Mind: Advances in the Study of Language and Mind. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2003. P. 3–15.

12. Grzegorczykowa R. Zarys słowotwórstwa polskiego: słowotwórstwo opisowe. Warszawa, 1984.

13. Nisbett R. E. The Geography of Thought. How Asians and Westerners think differently … and why? New York., 2003. 288 p.

14. Hall D. L., Ames R. T. Focusing the familiar: a translation and Philosophical interpretation of the Zhongyong. University of Hawai'i Press. 167 p.

15. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford University Press, 1992. 496 p.

16. Zapaśnik S. "Walczący islam" w Azji Centralnej. Problem społeczny genezy zjawiska. Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN, 2006. 213 p.

References

1. Darbeeva A. A. O substantivnom upotreblenii imjon prilagatel'nyh v burjatskom jazyke // Filologija i istorija mongol'skih narodov. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1957. S. 152–165.

2. Dorzhigushaeva O. V. Jekologicheskaja jetika buddizma: ucheb. posobie. SPb., 2002. 62 s.

3. Kostjushkina G. M. Kategorizacija opyta vyskazyvanija // Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika: materialy H Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2005. Ch. 1. S. 48–59.

4. Kubrjakova E. S. Konceptual'nyj analiz jazyka: sovremennye napravlenija issledovanija: sb. nauch. tr. / RAN. In-t jazykoznanija; Min-vo obraz. i nauki RF. TGU im. G. R. Derzhavina. M.; Kaluga: Jejdos, 2007. S. 7–19.

5. Morohoeva Z. P. Pogranich'e v perspektive Evro-Azii // Debaty IBI AL: Civilizacionnyj vybor i pogranich'e. Varshava, 2011. T. 4. S. 11–37.

6. Serebrennikov B. A. Kak proishodit otrazhenie kartiny mira v jazyke? // Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira. M., 1988. S. 87–107.

7. Shagdarov L. D. Buddijskaja leksicheskaja sistema v sovremennom burjatskom literaturnom jazyke // Vestn. BNC SO RAN. 2011. № 3. C. 177–184.

8. Clark E. V. Languages and Representations // Language and Mind: Advances in the Study of Language and Mind. Massachusetts: The MIT Press, 2003. P. 3–15.

9. Fernald A., Morikawa H. Common themes and cultural variations in Japanese and American mothers' speech to infants // Child Development. Stanford, 1993. P. 637–656.

10. Gentner D. Some interesting differences between nouns and verbs // Cognition and Brain theory. Massachusetts, 1981. P. 161–178.

11. Gentner D., Worfian W. Language and Mind: Advances in the Study of Language and Mind. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2003. P. 3–15.

12. Grzegorczykowa R. Zarys słowotwórstwa polskiego: słowotwórstwo opisowe. Warszawa, 1984.

13. Nisbett R. E. The Geography of Thought. How Asians and Westerners think differently … and why? New York., 2003. 288 p.

14. Hall D. L., Ames R. T. Focusing the familiar: a translation and Philosophical interpretation of the Zhongyong. University of Hawai'i Press. 167 p.

15. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford University Press, 1992. 496 p.

16. Zapaśnik S. "Walczący islam" w Azji Centralnej. Problem społeczny genezy zjawiska. Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN, 2006. 213 p.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2013 г.